

Гостиница «В тесноте»

На предгорной автостраде, почти в часе езды от Лос-Анджелеса, горная цепь нависает над потоком машин с севера. Это край цивилизации. Эта глушь — южный край гор Сан-Бернардино, «высоких крутых утесов», по выражению Геологической службы США¹. Это часть массива, который начал расти одиннадцать миллионов лет назад вдоль разлома Сан-Андреас и растет до сих пор, прибавляя по несколько миллиметров каждый год по мере того, как трутся Тихоокеанская и Североамериканская тектонические плиты². Однако, когда едешь прямо к горам, пики вырастают значительно быстрее. От такого вида хочется сесть прямее, а грудная клетка словно расширяется, будто легкие накачали гелием и вы вот-вот взлетите.

Линда Мэй крепко держит руль и смотрит на приближающиеся горы сквозь двухфокусные очки в розовой оправе. Ее седые волосы, падающие на плечи, закреплены на висках пластиковыми заколками. Она сворачивает с Футхилл-Фривэй на автостраду 330, она же Сити-Крик-Роуд. Вскоре дорога становится плоской и широкой. Затем она поднимается вверх, становясь узкой, извилистой и всего лишь двухполосной, уходя в глубь леса Сан-Бернардино.

Шестидесятичетырехлетняя бабушка едет на джипе Grand Cherokee Laredo, который был в очень плачевном состоянии, когда она купила его с рук. Аварийная сигнализация пошаливает:

у нее есть нехорошая привычка мигать, когда на самом деле всё в порядке, а если приглядеться, то можно заметить, что краска на когда-то смятом и замененном капоте слегка другого оттенка. Но после многомесячной реставрации машина снова на ходу. Механик поставил новый распределительный вал и поршни. Линда как могла облагородила машину: вытерла пыльные фары старой футболкой, пропитанной средством от насекомых (такая вот бытовая хитрость). Впервые джип тянет за собой дом Линды: крошечный бледно-желтый фургончик, который она сама зовет гостиницей «В тесноте». (Если посетители не сразу понимают смысл названия, Линда добавляет: «Номер маленький, но, как говорится, в тесноте да не в обиде!» — и улыбается, а ее лицо прорезают глубокие морщины.) Фургончик — стеклопластиковый реликт, Hunter Comrat II выпуска 1974 года, поначалу продававшийся под лозунгом «лучшее приобретение для веселого путешествия», которое «послушно, как котенок, последует за вами по шоссе и, словно тигр, проложит себе путь по тернистой дороге»³. Спустя сорок лет гостиница «В тесноте» являет собой очаровательный капсульный дом в стиле ретро: коробка со скругленными углами и покатыми боками, геометрической формой напоминающая картонные контейнеры для гамбургеров в ресторанах быстрого обслуживания. Внутри от стены до стены чуть больше трех метров — примерно таких же параметров была карета, в которой прапрапрабабушка Линды ездила по стране в позапрошлом веке. В капсуле чувствуется отпечаток стиля 1970-х: подбитая ватином искусственная кожа кремового цвета по стенам и на потолке, на полу линолеум с рисунком горчицы и авокадо. Высота фургончика как раз позволяет Линде стоять не сгибаясь. Купив этот трейлер на аукционе за 1400 долларов, Линда рассказала о нем в Facebook. «Он 5,3 фута в высоту, а я — 5,2*, — писала она. — Идеально».

Линда буксирует гостиницу «В тесноте» вверх по склону к Nanna Flat — лагерю, разбитому в сосновом лесу к северо-западу от озера

* Соответственно 161 и 158 см. *Прим. ред.*

Биг-Бэр (Большое Медвежье). Сейчас май, и она планирует пробыть там до сентября.

Но, в отличие от тысяч теплолюбивых туристов, которые ради удовольствия каждый год приезжают в Национальный лес Сан-Бернардино — девственные природные просторы, по площади превышающие штат Род-Айленд, — Линда едет сюда по работе. Это ее третье лето в должности смотрительницы лагеря: сезонная вакансия, объединяющая обязанности уборщицы, бухгалтера, кассира, охранника и администратора. Она уже предвкушает, как приступит к делу; в этот раз она, как вновь вернувшийся работник, получит прибавку, и ее почасовая оплата увеличится до 9,35 доллара, а это на 20 центов больше, чем в прошлом году. (Минимальная заработная плата в Калифорнии составляет 9 долларов в час.) И хотя она и другие вожатые нанимаются «по желанию», согласно письменно утвержденной кадровой политике компании — а это значит, что их могут уволить «в любое время — как при наличии, так и при отсутствии оснований», — ей было сказано, что стоит готовиться к полноценным сорока часам работы в неделю.

Некоторые из тех, кто впервые поступает на эту работу, полагают, что их ждет оплачиваемый отпуск в райском уголке. Не стоит винить их за это. Рекламные проспекты пестрят фотографиями сверкающих ручьев и усыпанных полевыми цветами лугов. На брошюре для California Land Management — частной конторы, которая наняла Линду, — седовласые женщины счастливо улыбаются на фоне залитого солнцем побережья озера, рука в руке, точно лучшие друзья на летнем отдыхе. «Получите деньги за поездку в лагерь!» — зазывает рекламный баннер American Land & Leisure, еще одной компании, которая набирает смотрителей. Под заголовком красуются отзывы: «По словам персонала, никогда не было так весело на пенсии!», «Здесь мы нашли лучших друзей», «Мы давно не чувствовали себя так хорошо»⁴.

Случается, и довольно часто, что новички уклоняются от обязанностей — или увольняются, — столкнувшись с менее привлекательными сторонами работы: нянчиться с пьяными, буйными гостями,

выгребать из кострищ горы пепла и битого стекла (некоторым хулиганам нравится бросать в огонь бутылки, чтобы те взрывались) и три раза на дню убирать участки. Чистить туалеты — наименее приятная обязанность из всех, но Линду она не смущает. Она даже немного гордится тем, что у нее хорошо получается. «Я хочу, чтобы они были чистыми, потому что постояльцы ими пользуются, — говорит она. — Я не гермафоб — просто надеваешь пару резиновых перчаток и вперед».

Когда Линда добирается до гор Сан-Бернардино, изумительный вид на долину начинает ее отвлекать. Обочина такая узкая, что ее едва ли можно так назвать. Это почти обрыв. На некоторых участках за полоской асфальта, прилепившейся к склону, нет совсем ничего. Знаки предупреждают водителей: «Возможен оползень» и «Во избежание перегрева двигателя отключите кондиционер на следующем участке в 14 миль*». Но Линду это не тревожит. Коварные дороги не смущают ее, водителя с почти двадцатилетним стажем.

Я еду в кемпере прямо перед Линдой. Будучи журналисткой, я в течение полутора лет налетами приезжала к ней. В перерывах между личными встречами мы столько разговаривали по телефону, что теперь при каждом звонке я уже заранее жду ее знакомое приветствие еще до того, как она возьмет трубку. Это мелодичное «Приве-е-ет!», примерно с тем же напевом, с каким я говорю «Ку-ку!», когда играю в прятки с ребенком.

Впервые я встретила Линду, когда занималась исследованием стремительно растущей американской субкультуры кочевников: людей, которые дни напролет проводят в дороге. Как и Линда, многие из этих неприкаянных душ искали спасения от экономического парадокса: тандема растущих цен на жилье и фиксированных зарплат — неустрашимой силы, надвигающейся на недвижимый объект. Они чувствовали, что попали в тиски, сутками трудясь

* 22,5 км. Горы находятся на юге Калифорнии, температура воздуха там порой достигает 40 °С и выше, поэтому водителям рекомендуют отключать кондиционеры и ехать, открыв окна, — иначе есть риск застрять на неопределенное время в пустынной, жаркой и опасной местности из-за закипевшего радиатора. *Прим. ред.*

на утомительных, тянущих жилы работах за зарплату, которая едва покрывала стоимость аренды или ипотечный взнос, без всякой надежды в дальнейшем улучшить свое положение и без гарантий какой-либо пенсии.

Это ощущение основывалось на суровом факте: зарплаты и цены на жилье расходились так резко, что с учетом растущего населения Америки мечта о спокойной жизни среднего класса превратилась из труднодостижимой в несбыточную. На тот момент, когда я пишу эти строки, в Америке только десяток округов и один город, где работник, получающий минимальную оплату за полный день, может позволить себе однокомнатную квартиру по реальным рыночным ценам⁵. Нужно зарабатывать минимум 16,35 доллара в час — это более чем вдвое превышает минимальную федеральную зарплату, — чтобы снимать такую квартиру, не тратя на жилье более рекомендованных 30 процентов дохода. Последствия катастрофические, особенно для каждого шестого американского семейства, у которого на жилье уходит более половины дохода. Для многих малоимущих семей это означает, что на еду, лекарства и другие необходимые вещи остается очень мало или вообще ни цента⁶.

Многие из тех, кого я встречала, считали, что слишком долго играли в одни ворота. И они нашли способ сломать систему. Они отказались от привычных «коробок» и сбросили с себя оковы арендной платы и кредитов. Они переселились в фургоны, грузовички и трейлеры, путешествуют с места на место вслед за хорошей погодой и зарабатывают себе на полный бак на сезонных работах. Линда — представитель этого племени. Она едет на запад, и я следую за ней.

Когда начинается крутой подъем на горы Сан-Бернардино, восторг от вида горных пиков испаряется. Мне вдруг становится тревожно. Меня слегка пугает мысль о том, что сейчас нужно будет скакать вверх-вниз на моем неповоротливом грузовичке. И мне страшно смотреть, как Линда тащит гостиницу «В тесноте» за своим кряхтящим и дребезжащим джипом. Она заранее предложила мне ехать впереди нее. Она хотела быть в хвосте. Но почему? Она

боится, что трейлер может отцепиться и съехать вниз? Я так и не узнала.

Когда первый указатель на Национальный лес Сан-Бернардино оказывается позади, за гостиницей «В тесноте» нарисовывается бензовоз. Кажется, его водителю не терпится уехать вперед. Он слишком близко держится к Линде, когда они въезжают на извилистый участок дороги и ее машина исчезает из моего поля зрения. Я продолжаю высматривать ее джип в зеркало заднего вида. Он не появляется, когда дорога становится прямой. Только бензовоз вновь показывается на проезжей части. Линды нигде не видно.

Отъехав в сторону, я набираю ее номер в надежде услышать знакомое «Приве-е-ет». Звонок идет и идет, затем включается автоответчик. Я останавливаю грузовичок, выскакиваю из него и быстро иду вдоль дороги. Звоню снова. Еще машины — на этот раз больше, штук шесть — выезжают из-за поворота и едут по прямой, мимо меня. Я стараюсь подавить тошноту, сильное волнение быстро переходит в панику по мере того, как текут минуты. Гостиница «В тесноте» исчезла.

Много месяцев Линда ждала, когда она наконец снова пустится в дорогу и будет работать смотрительницей лагеря. Она изнывала от тоски в Мишен-Вьехо — городке в сотне километров к юго-востоку от Лос-Анджелеса, — живя в доме, который снимали ее дочка и зять, Одра и Коллин, вместе с их тремя детьми-подростками. Спален на всех не хватало, и ее внук Джулиан вынужден был спать в коридорчике за кухней. (Но это жилище было лучше прошлого, где гардеробная служила спальней для двух ее внучек.)

Линда ютилась на том, что было: диванчике в прихожей. Она жила всё равно что на отрезанном от мира острове. Как бы она ни любила своих родных, среди них она чувствовала себя потерянной, тем более когда ее джип никак не мог покинуть ремонтную мастерскую. Когда ее близкие собирались отправиться куда-нибудь без нее, по пути к двери им неизбежно нужно было пройти мимо диванчика Линды. Из-за этого все чувствовали себя неловко. Линда

беспокоилась: «Им стыдно из-за того, что они проводят время без меня?» К тому же она скучала по своей независимости. «Я лучше буду царствовать в своем доме, чем жить в чужом под началом кого-то другого, пусть и собственной дочери», — говорила она мне.

У родных была уйма проблем — эмоциональных и физических, — отчего Линде еще меньше хотелось просить у них помощи. Ее внучка Габби была слаба здоровьем, в течение трех лет она порой вообще не вставала с постели из-за непонятных сбоев нервной системы. Позже обследование выявило синдром Шегрена, аутоиммунное заболевание. У Джулиана, ее внука, был сахарный диабет первого типа. Ее дочь, Одра, мучилась артритом. И, как будто этого было недостаточно, Коллин, кормилец семьи, с недавнего времени стал страдать сильными мигренями и головокружением, и ему пришлось уйти с работы в офисе.

В какой-то момент Линда подумывала устроиться на сезонную работу на склад Amazon через CamperForce — программу, которую интернет-магазин создал специально для найма временного персонала. Но годом ранее она выполняла схожую работу, и закончилось это туннельным синдромом, вызванным частым использованием портативного сканера штрихкодов. Остался видимый след: шишка размером с виноградину на правом запястье. Но хуже всего было то, чего нельзя увидеть глазом: пронизывающая боль, расходящаяся по всей длине руки, от большого пальца и запястья до локтя и плечевого сустава прямо в шею. Достаточно было поднять чашку с кофе или сковородку, чтобы спровоцировать мучительную судорогу. Сама Линда считала, что это воспаление сухожилий, но это никак не могло помочь делу. А не вылечившись, она не могла вернуться на эту работу.

Разбитая и привязанная к своему диванному архипелагу Линда старалась думать о будущем в качестве хозяйки — и единственного жильца — гостиницы «В тесноте». До того как осесть со своей семьей, она путешествовала от работы до работы на кемпере El Dorado 1994 года выпуска и 8,5 метра в длину, который жадно поглощал бензин и грозил рассыпаться на части. Поэтому сокращение

жилплощади до крошечного фургончика пришлось ей по душе, хотя гостинице «В тесноте» и требовался ремонт. Прежние владельцы бросили ее на соленом побережье штата Орегон, и некоторые металлические части заржавели; буро-рыжие следы исполосовали стеклопластиковый корпус. Линда пустила свое невостребованное время на многочисленные улучшения дома на колесах. В первую очередь нужно было приготовить чистящее средство (в состав которого входил секретный ингредиент: яичная скорлупа, смолотая в блендере), чтобы убрать ржавые разводы. Во вторую — обустроить уютную кровать. У задней стены трейлера располагалась мини-кухня: Линда убрала стол и вырезала основу из картона, расположив ее поверх скамеек. Когда в соседском мусорном баке обнаружился большой, мягкий, на вид абсолютно новый матрас, Линда утащила его себе. Разрезав его, она вышвырнула все до единой пружины, точно рыбак, потрошащий особо крупную рыбину. Затем она вытащила слой за слоем набивку, маркером провела контур, чтобы он соответствовал картонному лекалу, и отрезала всё лишнее ножом для ковровина. Так же обрезав внешнюю ткань, она заново сшила чехол — обшив его и украсив, как полагается, — и вновь набила, тем самым получив идеальный мини-матрас размером 183 на 92 сантиметра. «Я подумала, что если сделать уже, то будет не очень удобно спать на нем вместе с моей подругой, — говорила она мне, кивая на Коко, свою собачку породы кавалер-кинг-чарльз-спаниель. — Поэтому я оставила ширину для нас двоих».

За день до того, как Линда отправилась в Hanna Flat, я спросила ее, рада ли она. Она посмотрела на меня так, словно я спросила ее о чем-то само собой разумеющемся. «Ну конечно! — ответила она. — У меня не было машины. Не было денег. Я застряла на этом диване». Ее пенсии в 524 доллара хватит, чтобы дотянуть до первой зарплаты на новой работе*. Линда готова к тому, что мир вновь распадется перед ней после того, как съезжился до размеров дивана. Слишком

* Через несколько недель Линде исполнится шестьдесят пять, и ее и без того скудное пособие сократится до 424 долларов после вычета оплаты медицинской страховки.
Прим. авт.

долго она была лишена привычной свободы, и это только усиливало нахлынувшее волной ощущение новизны и возможностей, которое приходит в дороге. Настало время отправляться в путь.

Утро 6 мая было тихим и пасмурным. Линда обняла родных на прощание. «Я позвоню, когда буду на месте», — пообещала она. Линда погрузила Коко в джип и была такова. Сначала она направилась в ремонтную мастерскую, где ей подкачали разномастные, потрескавшиеся и потерявшие шины. Запасных у нее не было. Следующей остановкой была заправка. Линда залила полный бак и зашла внутрь — расплатиться за бензин и купить пару пачек красных Marlboro за 100 долларов. Молодой работник кивал, когда она начала вспоминать, как подростком покупала бензин по цене четверть доллара за галлон (3,7 литра) — можно сказать, даром, по сравнению с текущей ценой в 3,79. «Можно было залить доллар в бак и кататься целый день», — говорила она ему, улыбаясь и качая головой.

Казалось, ничто не может омрачить настроения Линды. Она и не расстроилась, когда, вернувшись к машине, обнаружила, что двери заперты, а ключи внутри. Коко стояла на задних лапах, положив передние на дверь со стороны водителя, и виляла хвостом. Собачка нажала на кнопку, поняла Линда. Но окно было слегка опущено. Линда достала из своей машины длинную газовую зажигалку, которую обычно берут на пикники, втиснула ее в щель и открыла замок. Путешествие продолжалось.

Гостиница «В тесноте» дожидалась хозяйку на стоянке на окраине Парриса, города по другую сторону гор Санта-Ана. Это цепь, которая отделяет прибрежную область Калифорнии от суровой пустыни на ее же территории. Добраться туда можно было только по шоссе Ортега. Это одна из самых опасных дорог в штате, «место, где неконтролируемая урбанизация, плохие водители и устаревшие технологии дорожного строительства сошлись в одной точке», по словам одного из репортеров Los Angeles Times⁷. Извилистая магистраль обычно плотно забита теми, кто по долгу службы курсирует между центром и периферией, но, к счастью, в полдень движение не особо оживленное. Вскоре Линда была уже на другой стороне.

Мимо пронеслись многочисленные стоянки трейлеров, которые, точно колонии ракообразных, лепятся к западной окраине городка Лейк-Элсинор. Три года назад она жила здесь, в парке для автофургонов, арендуя за 600 долларов в месяц трейлер, стоявший на потрескавшейся асфальтовой дороге, которая тянулась от шоссе до береговой линии.

В супермаркете Линда закупила еды, чтобы протянуть следующую неделю, пока не придет пенсия. В ее тележке были большущая коробка хлопьев, с десятков яиц, мясной фарш, копченая колбаса, булочки для бургеров, крекеры-рыбки, сладкое печенье, помидоры, горчица и около двух литров молока. Хотя к работе она должна была приступить только через несколько дней, Линда позвонила своему будущему начальнику прямо с парковки. Она хотела, чтобы он видел: на нее можно положиться, она серьезно относится к своей работе. Она рассказала ему, что уже в пути и засветло планирует прибыть в Hanna Flat.

За сетчатым, увитым колючей проволокой забором с висевшими на нем выцветшими на солнце американскими флагами, на северной стороне дороги располагалась парковка, где гостиница «В тесноте» дожидалась хозяйку. Линда въехала в ворота. Местный рабочий, тощий мужчина по имени Руди с седой бородой-эспаньолкой в стиле Антониса ван Дейка, вышел поздороваться. Они обменивались шутками, пока Линда хлопотала вокруг своего фургона, вспоминая, что еще ей нужно сделать. «У меня ум как капкан: ничто не проникает внутрь, ничто не выходит наружу», — острил Руди. Они продолжали болтать, когда Линда слишком резко вышла из фургончика и, оттолкнувшись ногой, пошатнула его. Гостиница «В тесноте» закачалась. Дальний край стукнулся о землю. «Не стоило с утра налегать на булочки с корицей, да?» — хихикнул Руди. Линда качнулась, но теперь уже твердо стояла на земле. «Я просто поспешила», — сказала она. К счастью, не пострадала ни она, ни гостиница.

В переднюю часть фургончика Линда втиснула стойку, на которой стояли переносная плитка, маленький обогреватель и два

18-литровых баллона с пропаном, на котором работал холодильник. Под конец Руди помог ей прицепить гостиницу к джипу. Включив зажигание, она поехала вперед, сначала потихоньку. Помахав на прощание Руди, Линда выехала за ворота. Как и обещал старый рекламный проспект, фургончик «послушно, как котенок» последовал за ней.

Когда после описанных выше событий в горах Сан-Бернардино Линда не появилась, я начала перебирать в голове всевозможные варианты катастроф. Возможно, у нее заглох двигатель. Или сдулась шина — плохо, потому что запасной нет, — а может, и того хуже, прокололась. Мои мысли становились всё мрачнее. Что, если гостиница «В тесноте» отцепилась и покатила вниз со склона? А вдруг на резком повороте джип перелетел через дорогу и ухнул в каньон, прямо как в кульминационной сцене фильма «Тельма и Луиза»?

Я уже садилась в грузовик, чтобы разворачиваться и искать Линду, когда зазвонил телефон. «Я скоро буду», — сказала Линда. У меня камень с души упал, когда она показалась из-за поворота, но тревога быстро вернулась. Подъехав ближе, Линда показала на свой фургон. С ним было что-то не так: стойка с пропаном оказалась пуста. Оба баллона вылетели на резком повороте. Один, не отцепившийся от шланга, запрыгал по дороге вслед за гостиницей «В тесноте», вырвав из нее десятисантиметровый кусок пластика. Второй вылетел совсем и теперь катился по дороге, как горячее перекати-поле. Бензовоз, по-прежнему державшийся впритык к фургончику, свернул в сторону, чтобы его объехать, и пронесся мимо Линды, которой, к счастью, удалось найти участок дороги, чтобы свернуть чуть в сторону. Беглый баллон замер на противоположном краю шоссе. Линда оценила ситуацию — она едва миновала поворот с плохой видимостью, и те, кто едет следом, ее не видят — и подавила искушение перебежать дорогу и подобрать баллон. «Это двадцатидолларовый баллон с пропаном, а я — бесценный человек!» — впоследствии вспоминала она свои мысли в тот миг. Она скрутила шланг с оставшегося баллона и поставила его обратно в трейлер.

Устранив прямую опасность, Линда продолжила путь по горам. Она проехала через поселения Эрроубер-Лейк и Раннинг-Спрингс, чьи склоны зимой манят лыжников и сноубордистов, а сейчас горных мотоциклистов и пеших туристов. Она миновала вековую плотину на Биг-Бер-Лейк, чьи воды питаются снегом, и проехала вдоль его северного берега, родины белоголового орлана. Вскоре показались бухта Граут-Бэй и крошечный городок Фонскин, который своим названием обязан активистам начала XX века, полагавшим, что в месте с названием «Граут»* немногие захотят отдыхать⁸. Местный супермаркет оказался забит всем, что может пригодиться путешественнику в глуши: рыболовными снастями, чехлами для пивных бутылок, санками, цепями противоскольжения, спальными мешками, зонтиками от солнца и сувенирными бутылочками со спиртным в виде пистолетов («Текила», — пояснил продавец). Городской парк неподалеку кишел стеклопластиковыми фигурами людей в характерных костюмах, в том числе игрока в бейсбол, индейского вождя, ковбоя, пожарного, летчика-истребителя, пирата и сотрудника дорожной службы. У них был такой вид, словно они сейчас все вместе запоют песню Village People — Y.M.C.A.** «Сколько статуй! — воскликнула Линда во время ее следующего визита в Фонскин. — Почему среди них ни одной женщины?» Потом она обратила внимание на другие скульптуры: два быка, впряженные в крытую повозку. Линда предположила, что они-то как раз самки: у них не было никаких ярко выраженных половых признаков, и они единственные выполняли хоть какую-то работу. С тех пор всякий раз, проходя через парк, она кричала быкам: «Э-э-эй, девочки!»

Выехав на новую дорогу, Линда неспешно проехала мимо частного владения. За тяжелыми запертыми воротами и знаками

* Grout — бетонный раствор. *Прим. перев.*

** Американская диско-группа Village People, помимо этой популярной песни 1978 года (и нескольких других), известна своими специфическими сценическими костюмами: полицейский, индеец, ковбой, строитель, байкер и морской пехотинец. *Прим. ред.*

«Частная территория» можно было разглядеть до смешного аккуратную лужайку. Линда совсем сбросила скорость, когда свернула на проселочную дорогу. Здесь асфальт уступил место утрамбованной земле; по обочинам росли побеги желтушника, выглядывавшие между булыжников, и кусты толокнянки, покрытые розовыми цветками-каплями. Еще не исчезли следы пожара 2007 года: обугленные стволы деревьев торчали из земли, как гигантские иглы дикобраза. Тот пожар поглотил более шести гектаров леса, в том числе и Hanna Flat, который до 2009 года был закрыт на ремонт⁹. Подъезжая к лагерю, Линда по-прежнему не увеличивала скорость, сосредоточенно глядя на ухабистую дорогу и избегая глубоких ям на утрамбованной машинами земле. Позади нее прыгала и гремела гостиница «В тесноте».

Было еще светло, около шести вечера, когда она подъехала ко входу в лагерь. Расположенный в двух с лишним тысячах километров над уровнем моря Hanna Flat был более чем на полкилометра выше Мишен-Вьехо, откуда утром Линда пустилась в путь. Воздух стал холоднее и прозрачнее. Заметив доску объявлений, Линда подъехала прямо к ней. Посетителей призывали остерегаться змей, гасить костры (ДО ПОСЛЕДНЕЙ ИСКРЫ) и стараться не приносить дрова, кишашие наглыми пассажирами: насекомыми вроде узкотелой златки дубовой и отвратительными болезнетворными микроорганизмами, носящими имена «рак сосны» и «внезапная гибель дуба» (*Phytophthora ramorum*). Извилистая дорога, четко видная на большой карте, проходила через все 88 стоянок, на каждой из которых можно было расположиться за 26 долларов за ночь. Имелся и никак не обозначенный участок, расположенный так близко ко входу, что Линда видела его оттуда, где стояла. Он был не лишен удобств: заасфальтированная стоянка для автомобилей, водо- и электроснабжение, зона для пикника, где стоял стол, и кострище. Впереди, рядом с трухлявым пнем, оккупированным огненными муравьями, стояла табличка: «СМОТРИТЕЛИ».

На следующие четыре месяца это был дом Линды.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

